

С.И. Кормилов

«Мцыри»

Завершением традиции русской романтической поэмы и последней романтической поэмой Лермонтова явился, не «Демон», как раньше считали, а «Мцыри» (1839), основной текст «Демона» все-таки оформился еще в 1838 году. Хотя и в этом произведении сохранились, даже в большем количестве, стихи, написанные в ранней юности для поэмы «Исповедь» (1830–1831), Мцыри вовсе не демоничен, как молодой испанский монах или его преемник Арсений в «Боярине Орше». Это «естественный» человек, который сродни природе, особенно в ее бурных проявлениях:

О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад.

Он бежал из монастыря во время грозы, когда испуганные монахи «ниц лежали на земле». В нем живо и активно также национальное начало, свободолюбие горцев, их темперамент. Уже из его слов о буре, писал Белинский, «вы видите, что за огненная душа, что за могучий дух, что за исполинская натура у этого мцыри! Это любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности». Но в Мцыри, как и в Демоне последних редакций, меньше лично лермонтовского, чем в героях ранних, более простых поэм. В нем «сочетаются черты силы и слабости», и это не только противоречие между могучим духом и ограниченностью физических сил. «В нем “юность вольная сильна” и вместе с тем он — “слаб и гибок, как тростник”. Его угрюмая и дерзкая смелость прихотливо и капризно, “оксюморно” сталкивается в нем с пугливостью (“пуглив и дик”, “боязливый взгляд” — говорится о нем в поэме)». «Да, заслужил я жребий мой», — признается Мцыри, ставя себе в пример могучего коня, который и без седока «на родину издалека / Найдет прямой и краткий путь...» (в его восприятии родина есть и у коня). «На мне печать свою тюрьма / Оставила...» Это сказывается даже в сравнении, которое он использует: выси горных хребтов вдалеке «курились как алтари». Взаперти он, «нечто вроде “послушника”» (примечание Лермонтова), вырос неприспособленным к жизни на воле, в чем его трагическая беда, а не вина. Пораженный видом вблизи девушки-грузинки (грузинка в Грузии именуется в поэме грузинкой, здесь совпадают взгляд автора и взгляд героя, для обоих Грузия не родина, они ее видят «со стороны»), недавний затворник, очевидно, опасаясь погони, не решается войти в ее дом и утолить голод. Он «дорогою прямой / Пустился, робкий и немой», и скоро потерял в лесу дорогу, не умея сориентироваться иначе, как влезая «на дерева», с которых видны лишь такие же деревья.

Возвращенный в монастырь, Мцыри говорит о счастье «трех блаженных дней». Но это его предсмертное восприятие. На самом деле блаженным после первой грозовой ночи было лишь начало дня, когда Мцыри попал в «божий сад» и увидел грузинку у потока. Потом, «трусами ночи изнурен», он засыпает, а следующей ночью блуждает в лесу и рыдает на земле от отчаяния¹, лишь встреча и бой с барсом пробуждают в нем отвагу предков. Израненный, он уже наутро выходит обратно к монастырю и, вновь в отчаянии, впадает в беспамятство, в котором находится еще около суток, пока его не обнаруживают «в степи без чувств». Так что никаких «трех блаженных дней» не было. Но герою не до

¹ «Впечатления первых суток окрашены преимущественно в светлые тона, вторые сутки гораздо тяжелее для Мцыри — атмосфера поэмы сгущается и мрачнеет. Эти изменения легко могут быть мотивированы физиологически (Мцыри постепенно растрчивает свои силы) и психологически (он все больше и больше теряет надежду)». Но за этим стоит «общий закон», который обрекает на тупик или катастрофу всякого ищущего (Д. Максимов).

подсчетов. Еще в начале исповеди он говорит, что променял бы две жизни «в плену» «за одну, но только полную тревог», а в конце, когда мгновений жизни осталось совсем немного, отнюдь не воодушевленный ожидаемым «приютом» души в раю, Мцыри заявляет монаху:

Увы! — за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

Богоборчество — не удел Мцыри. Его богоборческий ропот и описание темного храма, в котором взоры святых на стенах следили за ним «с угрозой мрачной и немой», были сняты Лермонтовым, очевидно, при подготовке поэмы к печати. Но монастырь осознается героем только как тюрьма. «Монастырь символ отрицания всего земного и прежде всего личной воли. Лермонтов — непримиримый враг монашеского взгляда на жизнь, где дуализм тела и души, земли и неба исповедуется (конечно, в принципе) в его чистом и крайнем виде» (П. Сакулин).

Монастырю и представлена антиподом вольная природа, заполняющая собой буквально всю поэму в противоположность «Исповеди» и «Боярину Орше». Она обладает первозданной естественностью, величественна и прекрасна. «Природа человечна: “шакал Кричал и плакал, как дитя”, “деревя” шумят “свежею толпой”, “как братья в пляске круговой”, “груда темных скал” полна “думой”» (В. Коровин). С другой стороны, Мцыри не боится змеи, потому что «сам, как зверь, был чужд людей / И полз и прятался как змей». Барс с его «взором кровавым», грызущий «сырую кость», в то же время мотает «ласково хвостом», а в бою Мцыри и барс взаимно уподобляются («Он застонал, как человек», «Я пламенел, визжал как он») и борются, «обнявшись крепче двух друзей». Отдавая должное противнику, Мцыри даже говорит о себе в третьем лице, становится на «точку зрения» барса: «Но с торжествующим врагом / Он встретил смерть лицом к лицу, / Как в битве следует бойцу!..» Для Мцыри этот бой — момент наивысшего подъема сил и подъема духа, преодолевающего слабость тела. Этим качеством Мцыри обладал изначально, болезнь парадоксальным образом сделала его таким, каким он стал:

Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов...
...
...даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.

Знаменательно, что о ребенке Лермонтов говорит, как о взрослом: «Ребенка пленного он (русский генерал) вез». Детей все-таки хотя и берут, но не буквально в «плен». Спасение к мальчику пришло из стен монастыря. Его не просто выходили. По сравнению с «пленом» у генерала, у русских военных монастырь, сугубо мирная обитель, где нет врагов, был свободой. Но по сравнению с родиной он только тюрьма. Он дал Мцыри возможность жить, но все же снова «в плену». И в таких противоестественных для него условиях молодой горец не утратил ни свободолюбия, ни мужества, ни памяти о родине. Ему свойственны и другие привлекательные черты. В нем есть и нежность и трепетность. Не случайно он употребляет очень заметные и многоговорящие уменьшительные: *облачко, птички, ветерок, речка, голосок...* И уж, конечно, он не обладает ореолом избранности и таинственности, свойственным байроническим героям, и погружен в реальность подлинной кавказской действительности.

И все-таки для «природного» человека природа из друга становится врагом.

«Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!» —

воскликает Мцыри. Орудием судьбы и выступает природа, для общения с которой у Мцыри нет никаких навыков. Напоследок она дает о себе знать «песней рыбки», которая грезится герою в бреду и которая соблазняет его вечным покоем.

Но Мцыри не нужно покоя и мало даже свободы. Он еще и энергично мыслящий и чувствующий человек. В своей исповеди он последовательно, без временных сдвигов (характерных для байронической поэмы) заново и будто бы синхронно «проживает» дни свободы, «удваивает» в воспоминании свою жизнь (как Печорин в «журнале», создававшемся Лермонтовым одновременно с «Мцыри»), потому и благодарен старому монаху за возможность «словами облегчить... грудь». Он хотел бы оставить и след на земле, жалеет о том, что его исповедь останется никому не известной:

И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

Это близко к ранней лирике Лермонтова. Но есть коренное отличие от раннего творчества. Мцыри печалит и то, что его «труп холодный и немой / Не будет тлеть в земле родной», в то время как Арсений в «Боярине Орше» при виде скелета возлюбленной говорил: «Здесь прах ее, но не она!» — и собирался уйти в любом направлении: «Иду! — куда? не все ль равно / Та иль другая сторона?» «Контраст разителен. “Все равно” Арсения заставляет вспомнить безразличие, с каким “парус” кинул “край родной” ради “страны далекой”, и дает возможность почувствовать принципиальную новизну фигуры Мцыри у Лермонтова» (С.Ломинадзе).

Исповедь Мцыри определяет и композицию поэмы, занимая все ее пространство, кроме двух первых главок — двух авторских экспозиций: в одной главке говорится о монастыре и о присоединении Грузии к России, в другой, более обстоятельной, — о «пленном» ребенке, обо всей его жизни в монастыре, о побеге, возвращении и начале исповеди. Такая событийная плотность начала поэмы оттеняет внутреннюю, духовную интенсивность исповеди героя. У нее есть своя, лирическая экспозиция, исповедь как таковая (главки 3–8); основную часть поэмы (главки с 9-й по начало 24-й) составляет рассказ о днях вне монастыря, и окончание монолога (главки 24–26) вновь в основном лирическое, с предсмертной просьбой Мцыри. Две кульминационных вершины — встречи невидимого среди кустов Мцыри с грузинкой (главки 12–13) и с барсом, рассказ о котором занимает четыре главки (16–19). Эпизод боя, закончившегося единственной победой Мцыри, конечно, особенно важен. Это исполнение, пусть в другой форме, одного из мечтательных видений, с детства преследовавших героя в монастыре: про ближних, про волю, «про битвы чудные меж скал, / Где всех один я побеждал!..» По последовательности рассказа еще как бы даже не победа, а пробудившаяся «жажда борьбы и крови» уверила Мцыри в том, что он «мог бы быть в краю отцов / Не из последних удальцов».

Развязка поэмы только подразумевается. Мцыри просит перед смертью перенести его в сад; там, среди природы, в виду Кавказа, он рассчитывает на какой-нибудь «привет прощальный» с родины, которой так и не достиг: «И с этой мыслью я засну, / И никого не прокляну!..» Литературоведы объясняют последние слова поэмы тем, что персонально перед Мцыри никто не виноват; Б.Эйхенбаум при этом подчеркивает, что эти слова «выражают вовсе не идею “примирения”, а служат выражением возвышенного, хотя и трагического состояния сознания: он никого не проклинает, потому что никто индивидуально не виновен в трагическом исходе его борьбы с “судьбой”». Да, конечно, Мцыри умирает, как барс, достойно проиграв в борьбе, в попытке борьбы, перед лицом «торжествующего врага» — судьбы, и здесь он — личность, «я», поэма кончается глаголами в первом лице. Проклинать ему действительно некого, наоборот, монахам он обязан жизнью. Но тогда зачем было об этом заговаривать? Очевидно, дело в том, что монахи пока ни в чем не виноваты, но мятежный Мцыри предупреждает их о возможности про-

клятия, если они не выполнят его последнюю просьбу и оставят провинившегося собрата умирать в тесной и душной келье. Герою не было дано и нескольких минут побыть «среди крутых и темных скал» на родине, так напоследок нужно хотя бы видеть Кавказ издали. Смирения в его словах действительно нет, больше того — есть угроза, есть продолжающийся мятеж даже и после победы судьбы.